

воробьиная

РЕКА

Замировская
Татьяна

МОСКВА
АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
3-26

Книга публикуется в авторской редакции

Замировская, Татьяна

3-26 Воробьиная река / Татьяна Замировская. — Москва: АСТ, 2015. — 288 с. — (Лабиринты Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-090760-1

Замировская — это чудо, которое случилось со всеми нами, читателями новейшей русской литературы и ее издателями. Причем довольно давно уже случилось, можно было, по идее, привыкнуть, а я до сих пор всякий раз, встречаясь с новым текстом Замировской, сажу, затаив дыхание — чтобы не исчезло, не развеялось. Но теперь-то уж точно не развеется.

Каждому, у кого есть опыт постепенного выздоровления от тяжелой болезни, знакомо состояние, наступающее сразу после кризиса, когда болезнь — вот она, еще здесь, пальцем пошевелить не дает, а все равно больше не имеет значения, не считается, потому что ясно, как все будет, вектор грядущих изменений настолько отчетлив, что они уже, можно сказать, наступили, и время нужно только для того, чтобы это осознать. Все вышесказанное в полной мере относится к состоянию читателя текстов Татьяны Замировской. По крайней мере, я всякий раз по прочтении чувствую, что дела мои только что были очень плохи, но кризис уже миновал. И точно знаю, что выздоравливаю.

Макс Фрай

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-090760-1

© Татьяна Замировская, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2015

БЫВШАЯ. ЖЕРТВА

Ходила по кухне, развешивала белье. Лера подняла бровь, спросила, ответил: «Это моя бывшая». Целых людей к нашему-то тридцатнику не бывает, это понятно, у кого-то коты в подвале замурованы, у кого-то бабушка за стеной хохочет, а тут бывшая с влажным, слезливым бельем. Чего-то еще хочет, чего-то еще ходит, развешивает, сонно встряхивает, чье белье, он не знал: свое, наверное, воображаемое белье из той пьяной и цветной, как пунш, жизни, которую он отказался разделить. Говорит, наверное, мучается, вот и ходит, но сама же во всем виновата. Сама виновата, довольно бормотала Лера, когда бывшая копошилась в прихожей, пьяным кулем вваливаясь сквозь дверь напролом (и Лера отмечала с удовольствием: ни разу не спросила, откуда у нее, у бывшей, вообще ключ от квартиры, потому что, наверное, зачем ей ключ, ей достаточно подумать об этой квартире, чтобы оказаться здесь) и оседала по желтым клочьям обоев вниз; Лера просто перешагивала через нее, тихую, высохшую, как море, и шла ровными безразличными шагами в спальню — в спальне было весело, в спальне было хорошо, и колокольными шагами по занавесочной струне шла мышь,

и хихикал трамвай за окном, а ты лежи в прихожей и молчи, когда взрослые о любви разговаривают, ты не взрослая, тебе ничего нельзя. Бывшая и правда была инфантил-инфантилом, иногда придет, сидит опять же в прихожей, крутит телефонный диск и цифры-то всё три-три-три, да три-три-три, обычно это же только дети выбирают три-три-три, обычно только у детей телефон выглядит как дисковый, взрослые туда зонты ставят, где у нее телефон, так она иногда сидит и крутит зонты. «Дарил ей зонт когда-то, — объяснял он, — Вот, видимо, намекает!» Что он ей только не дарил, думала Лера, как она его, а. Ловко облапошила! Два кольца подарил (а гвоздик посередине не вбил, мысленно хохочет Лера, так были бы ножницы, хоть какая-то польза, такими ножницами что угодно разрежешь, даже неожиданную смерть сердечную: раз-два и беги по улице целенький новыми ножками!), вообще, фактически, содержал ее, а она как царь-пушка, в самом деле, выставочный сталелитейный экземпляр, нерушимая тяжесть небытия, сколько можно было, нашла бы работу какую-нибудь, не нашла, ну и вали. «Она меня совсем не ценила, понимаешь?» — говорил он Лере, когда она пыталась завести разговор о том, что бывшая уселась перед телевизором, смотрит какой-то сериал и плачет, и что это как-то, ну, печально, что ли. «Не ценила, вот и заслужила, что имеет!» — объяснял он, и хватал Леру за плечо, и мышшь снова начинала свой пеший пробег по звенящей струне, натянутой под потолком, и ну что, жалко электричества вам, жалко телевизора, пусть человек поплачет, хоть станет человеком через эти пустые слезы, а был дрянь дрянью.

Где-то через полгода Лера попробовала заговорить с бывшей, это когда бывшая вздумала магнитного варенья наварить: принесла откуда-то ведро магнитов (некоторые совсем старые, советские, оторванные от

настольных игр каких-то), высыпала в Лерин таз (это Леру и удивило, обычно бывшая приходила со всем своим, ни к чему Лериному не прикасалась) и начала пересыпать магниты сахаром, да так обильно, что ну кто же так, кто же так варит магнитное варенье! Лера это сказала и даже осеклась: какое магнитное варенье, что я несу вообще, кажется, во всем этом что-то не так, что-то здесь не то, правда? Бывшая посмотрела на нее совсем детскими глазами, было заметно, что она очень удивлена видеть здесь Леру, кто ты, спросила она, что ты делаешь в моем доме. Лера тогда тоже, конечно, спросила, а ты сюда чего ходишь вообще, полгода уже ходишь и ходишь, успокойся, может, уже, взрослая же баба, неужели не стыдно, забудь и отпусти. Что отпусти, не поняла бывшая, ложку если отпустить, она примагнитится сразу же, потому это и самое сложное, тяжелое варенье, что обычно все туда упускают ложки. А деревянную ложку если взять, ехидно спросила Лера, уверенная в своем бытовом превосходстве. А деревянную нельзя, вкус другой будет, округлив глаза, ответила бывшая, а потом сказала Лере, уйди ты отсюда, а, смотреть на тебя тошно, особенно когда ты по вечерам в ванне лежишь вся изрезанная, такое стыдобище, ну не сложилось, так мало у кого вообще складывается, ты себе еще найдешь, но чтобы так вот внимание к себе привлекать, так это вообще прости, финиш. Лера пошла было в спальню за разъяснениями, но спальни не было в этот раз, и она вспомнила, что, действительно, в те разы, когда спальни не было вообще, она ночевала в ванне, но вроде не грустила даже особо. Лера занервничала, заметалась, но бывшая из кухни крикнула ей, что сейчас вот варенье доварит и уйдет, но тогда и Лере лучше уйти, потому что следующее варенье будет из нее, и Лера ей поверила, потому что чувствовала, как внутри у нее щекотно

гремят магниты, наросшие за эти полгода. Поэтому они доварили варенье вместе, перелили его в трехлитровые банки и вышли из квартиры, даже до метро вместе дошли, но разговаривать было не о чем, и вообще, у Леры было очень плохое ощущение того, что это полгода они жили в квартире вдвоем: Лера и бывшая, и всё, больше никого. Может, это была и вполне интересная жизнь, но теперь она закончилась, причем закончилась плохо — потому что теперь тишина, молчание.

Около метро Лера обняла бывшую и попрощалась с ней «навсегда». Бывшая тоже обняла Леру — неловким, широким шагом руки, будто боясь порезаться, будто Лера — разбитое зеркало. Лера тут же малодушно подумала, что вернется в эту квартиру за вещами, но столкнулась взглядом с бывшей и поняла: та тоже вернется в квартиру банки с вареньем забрать; вот ведь связь на всю жизнь, блин, подумала Лера, наверное, это моя бывшая, или, например, бывшая я. Но Леру спасли магниты, тошнотворно, будто мышка пробежала, дернувшиеся у нее в животе, когда под землей, в метро, что-то тяжело заворчалось гигантской массой железа: я жертва, вспомнила Лера, и уже никогда не забывала об этом, даже когда тосковала по той желтой кофточке, даже когда успокаивала себя тем, что у нее все равно нет ключа от квартиры, потому что жертва ведь всегда может просто так ввалиться сквозь дверь напролом, это главное правило: зачем ключ, если достаточно просто подумать.

ТРИ ГЛОТКА ГРАНАТА

Нет слов, просто нет слов. Как она могла выпустить кота?

Она выпустила кота, случайно замешкавшись в прихожей: одна из огромных, несуразных стеклянных бутылок с гранатовым соком вдруг начала выскальчивать из ладони, стремиться к твердому разрушающему кафелю пола. Она присела и схватилась за бутылку обеими руками — стекло было холодным, каким-то почти жидким, практически кровавым. Она так сидела минуты полторы, оцепенев, будто удивляясь случившемуся чуду — не разбилась, не превратилась в дождь из колюще-режущих гранатов, — а потом обернулась и заметила, что дверь открыта и кот в нее уже ушел.

Тогда муж и мама вышли на улицу, чтобы поймать кота, а она сидела на кухне и плакала: кот совсем один, маленький серый комочек, пара килограмм паники и неживого, напуганного веса, топает тонкими лапками по льдинкам, и сердце холодеет — его от пронизывающего холода, ее — от ужаса. Как ты могла выпустить кота, злым каменным голосом спросил муж, забежав в дом, он запыхался, шапка на его лице стала ярко-

красной, как фонарь, под ней лица было уже не разглядеть, вся его голова вообще пылала как факел, посмотри на себя, ты тут сидишь в тепле и куришь (она посмотрела на свои пальцы и с ужасом отметила, что они сжимают в себе дымящую сигарету, как успела вообще, когда?), а он, наш маленький, наверное, уже перешел дорогу, и его там сбил трамвай.

Спасибо, у нас в городе нет трамваев, ответила она, и тогда муж начал страшно кричать — у нас в городе теперь есть что угодно, потому что допуская недопустимые вещи, ты умножаешь количество недопустимых вещей и явлений в мире вообще! Нелепо трижды повернулась на пятке, принимая душ, и защebetала птицей — через три дома у соседей в люльке дитя черничным соком замироточило, три баночки насобирали, полезно для глаз, говорят; маникюрными ножницами с какой-то дури вырезала из вяленой рыбы квадратик и вазочку — на железнодорожной станции телефонный аппарат вдруг сказал внятным мужским голосом: «Внимание! Все мосты заминированы! Поезд превратился в чайный сервиз и весь разбился вдребезги от соприкосновения с жесткостью рельса!»; съев мандаринку, водрузила полученную географическую карту кожуры на голову с целью просто подурить — а в городе цистерна с мясом перевернулась и залило полквартила неизвестно чем, страшно даже смотреть. И так далее, и тому подобное. Неожиданно закурила — порвалась связь времен. Обрезала себе ресницы ножом для масла — на кладбище взорвалась одна из могил, хорошо еще, что не свежая. Выпила козьего яду — проснулась в книжном шкафу небольшой колонией вшей. Что еще?

— Ты почему молчишь? — заорал муж. — О чем ты думаешь?

Отвлечься от небольшой колонии вшей не так уж и сложно — бедный кот, подумала она снова, никакими кошмарами не прикрыть этот главный кошмар. Они всегда очень осторожно закрывали и открывали дверь, потому что кот постоянно стремился на улицу, это был новый дом, новый район, коту все было интересно, что снаружи, он стоял часами у двери и тонко поводил носиком, будто пытаясь прочесть ландшафт окрестностей по тонким ниточкам, тянущимся из воздуха. Человек с сознанием курицы-гриль не имеет права анализировать мир через метафоры и воздушные нити, сказала она сама себе, приложила горящую сигарету к запястью, тонкому и бледному, как лед, и тихо-тихо завывала.

— Ненормальная! — радостно сказал муж, схватил с полки банку кошачьих консервов и убежал на улицу, откуда доносилось радостное воркование мамы. Мама ничему не радовалась на самом деле, просто ей показалось, что если она будет радостно кудяхтать, котик подумает, что ей досталось где-то что-нибудь вкусненькое и подбежит посмотреть. Но котик не подбегал. Муж и мама включили фонарь и начали бегать с фонарем по району, разбрасывая всюду какую-то мишуру из кошачьих консервов.

Надо выйти на крыльцо и там ждать кота, может быть, он узнает дом и вернется, подумала она, сняла кофту и носки, чтобы было так же холодно, как и ему там, на морозе, бедненькому, и села на крыльцо, распахнув дверь прямо в пустоту, мороз и ветер, прорезаемый лучами охотничьего фонаря — это мама и муж добрались уже достаточно далеко, узнать что-либо о них можно было только по интенсивности и нервозному мельтешению вспышек.

«А я буду тут сидеть и ждать его, — решила она. — Он будет мерзнуть, и я тоже. Ему будет страшно, и мне

тоже. Он поймет, что все закончилось, причем закончилось так глупо — и я тоже».

Она прислонилась головой к двери и закрыла глаза. Где-то вдалеке темноту прорезывали прожекторы, будто война — это мама и муж добежали до пожарной станции, вдруг кот там, трам-пам-пам. Она подышала на свои руки и начала тихонечко напевать.

К дому подошел неизвестный человек в дурацкой малиновой шинели. Она напряглась, начала нащупывать в кармане связку ключей, чтобы пропустить каждый из ключей меж пальцев, идеальное оружие, дом-то открыт, заходите кто хотите.

— Ты что? — спросил человек сквозь черную бороду, вид у него был испуганный, он напоминал огромную черную птицу, напавшую на карнавальный костюм какой-то другой огромной черной птицы. — Ты зачем сидишь тут? Зачем мерзнешь? Меня ждешь?

— Ты кто, кого? — спросила она, елозя рукой и ключами, сросшимися в некую единую биоконструкцию, в кармане. — Что н? Что надо? — у нее зуб на зуб не попадал.

— Я кто, я твой муж, кто. — прошамкала черная борода. — Вот же глупенькая, застудишь все, мигом домой, ну, а если бы я позже приехал? То что бы? В больничку с пневмонией, да? Вот дурында же, дура совсем.

И схватил ее в охапку и повел, заиндедевшую и испуганную, в дом.

— Кот. Я выпустила кота. — попыталась объяснить она причину своих волнений.

— У нас нет кота, — отвечал человек в малиновой шинели, увлекая ее куда-то на кухню, к холодильнику; может, это специальный кухонный грабитель, подумала она, сейчас наберет еды и убежит, хорошо бы.

— Я выпустила кота, — тихим, ледяным голосом пропищала она. — Мой муж и моя мама пошли его искать. Вот — там за окном луч — видите? Это они с фонарем его ищут. С прожектором. И каждые пять — или семь — минут они подбегают к дому, чтобы проверить, не пришел ли кот сам. Сейчас они тоже придут. Поэтому вам лучше уйти. Я не одна тут.

— Вот дура же, дура-дурочка! — ласково сказал человек в малиновой шинели, распахивая холодильник и вынимая из него баночку майонеза. — Дурной зайчик замерзший. Белочка под елочкой сидела и белочку подхватила. Белая-белая белочка, да? Да?

Он выдавил на ломоть хлеба тонкую змеистую струю белого-белого, как мел, майонеза, и начал энергично жевать хлеб. На его бороду сыпались крошки.

— И не приготовила ничего, — улыбался он, плюясь крошками. — Конечно, с чего бы. На крылечке в мороз посидеть, застудиться — самое то! Не то, что борщ готовить. Борщ — он кровавый! Святой и правый! — тут он запел. — Марш, марш вперееееед! Марш, мой нароооооод!

Слова неправильные, подумала она, борода неправильная, и сам он неправильный.

— Муж с фонарем! — шипел он сквозь бутерброд. — Муж — это же я! Какой это там муж ищет какого там кота, если кота у нас нет, и муж твой — это я? И мама, ну какая мама, зайчик дурной дурацкий, мама в Набережных Челнах, где же еще маме нашей быть?

Ну, этот муж лучше того, подумала она, этот хоть не ругается, что я кота выпустила. Но все равно: чужой человек, абсолютно. И майонез этот, тьфу, неужели ему не противно.

Муж помыл руки в кухонном умывальнике, щедро полив их средством для чистки посуды, закрыл наглухо входные двери, съел еще один бутерброд с майоне-

зом, немного пожурил ее за то, что она уже третий раз за неделю не приготовила никакого ужина, пора уже и учиться чему-то, а то сидит днями дома, он-то конечно понимает, что работа так сразу не ищется, но надо уже как-то шевелиться, три месяца уже дома сидит, ну, даже стыдно. Потом муж долго сербал горячий чай, неприятно втягивая воздух, принял душ и пошел спать, потащив ее за собой. Она послушно шла за ним по ступеням вверх, вот и спальня, подумала она, теперь нам с ним там спать, раз муж. Но муж не хотел спать с ней в общепринятом смысле.

— Ты такая холодная! — сказал он. — Даже дотрагиваться до тебя неприятно. Зачем так долго сидела на крыльце?

— Кот. Я выпустила кота. — тихо сказала она.

— У нас нет кота и никогда не было. — сонно проворкотал муж. — Наверное, ты выпустила его еще когда-нибудь в прошлой жизни, еще до рождения — вот у нас его и нету поэтому...

Она не могла заснуть, это понятно. Муж отрубился очень быстро, захрапел, разметался по простыне. За окном послышалось какое-то шебуршание, она поднялась, тихо-тихо, стараясь не скрипеть половицами, подошла к окну и посмотрела вниз. Там, у забора, в прозрачном морозном воздухе будто бы висели две фигуры — это были изначальный муж и мама. В руках у мамы был котик.

— Поймали? — спросила она одними губами.

Мама триумфально подняла котика на вытянутых руках и улыбнулась. Котик выглядел крайне недовольно, мордочка у него была сморщенная, как у старой обезьянки.

Мама и изначальный муж показали знаками: впусти нас, открой дверь. Но она показала им в ответ — тоже знаками — я не могу вас пустить, дома муж, он

спит здесь со мной, ничего не выйдет, он не поймет, если я открою дверь и буду кого-нибудь впускать в дом, я не смогу ничего ему объяснить.

Но это же ты выпустила кота, ты же сама виновата, знаками показали муж и мама, поэтому ты сама должна расхлебывать все это дерьмо, спускайся уж давай, открывай. И посветили фонарем прямо ей в лицо.

Нет, ответила она знаками, это исключено, мне, конечно, очень стыдно и страшно из-за того, что я выпустила кота, но раз уж сама судьба как-то разрешила эту дурацкую, странную ситуацию, которая у нас с вами здесь возникла — а вы ведь не будете отрицать, что все протекало каким-то странным чередом, нет? — я поддамся внутренним течениям судьбы и будь что будет.

Ну хорошо, как хочешь, тогда пока, знаками сказали ей изначальный муж и мама. Кажется, они были недовольны. Мама запихнула под мышку кота, муж — фонарь.

Она пожала плечами и спустилась вниз, открыла холодильник, достала оттуда стеклянную бутылку с гранатовым соком и налила себе стакан. Вот так удерживаешь что-нибудь, подумала она, делая ледяной глоток, удерживаешь в последнюю секунду, хватая в миллиметре от убийственной земли, чтобы не разбилось, чтобы не разрушилось — а в результате разбиваешь и разрушаешь вообще все, что за этим стоит. А так бы просто убрала осколки, помазала бы порезанный палец йодом и вымыла пол. Но раз уж одна жизнь вдруг стала абсолютно другой — поздно о чем-то жалеть. Вероятно, это был мой сознательный выбор, подумала она, но вдруг у нее так сильно защемило в груди, что она решила больше никогда-никогда не думать о том, сознательный она сделала выбор или нет. Еще три глотка — и спать. Жизнь такая жизнь.